

АЛИСАФДАР ГУСЕЙНОВ***Танцующие пальцы***

«...Дирижёр – Ниязи». Как только диктор произносил эти слова, моя неграмотная, молчаливая по натуре, обычно равнодушная к волшебному ящику под названием «телевизор» бабушка приходила в хорошее настроение, и чем бы она ни занималась в тот момент, обязательно поднимала голову и смотрела на экран. В такие минуты я ясно видел, что её лицо сияло, глаза просветлялись, она каким-то чудесным образом преображалась и в один миг становилась самой ласковой, самой нежной бабушкой в мире.

Однажды я не удержался и спросил у неё, отчего ей становится так радостно, и она вдруг превращается совсем в другого человека. Я до сих пор помню её слова, которые поражают меня своей глубиной: «Мальчик мой, я и сама толком не понимаю этого, только знаю, что когда этот человек начинает размахивать руками и двигать пальцами, будто чьи-то знакомые голоса просачиваются через них, наполняя мой слух и успокаивая душу. Ты разве не видишь, как этот невысокий, обычный с виду человек подчиняет себе этих мужчин с зурна-балабанами? Все они неотрывно следят за движениями его пальцев. Это настоящий мужчина...»

Эта наивная «философская» интерпретация самой удивительной профессии – профессии дирижера – от моей неграмотной бабушки, называвшей духовые инструменты «зурна-балабанами», потрясла меня тогда. И сегодня, спустя почти пятьдесят лет, мне понятно, какой бы наивной ни была эта интерпретация, она интересна и оригинальна. Бабушка подсознательно, в силу своей проницательности, каким-то образом постигла умение тех, кто видит не только глазами, но и сердцем, связала гений Ниязи, который поднял на новый уровень искусство дирижера, с актерским мастерством, живописью, хореографией, таким образом, хотя и просто, но точно выразив суть его искусства.

Великому Ниязи удалось перенести дирижерство с вершины элитарности на тот уровень, благодаря которому оно стало доступным и полюбилось моей бабушке и другим людям. Ниязи действительно был не обычным дирижером, а гением, который преобразил дирижерство в эстетическое событие, источник наслаждения, а исполняемое произведение – в наглядный образ, изображение.

Не буду останавливаться на биографии маэстро, говорить о полученных им наградах, поездках по миру, написанных произведениях – эту информацию можно найти в Интернете. На мой взгляд, стоит сказать о недосказанном, о ещё живой харизме Ниязи, волшебстве его пальцев, о том, что он увековечил душу азербайджанского народа в музыкальных образах.

У истоков гения Ниязи, несомненно, стоит генетический фактор – врожденный талант, которым Аллах щедро одарил поколение Гаджибековых. Он, как и его дядя по линии отца, великий Узеир бек, появился на свет не как обычный младенец, а как феномен, которому со временем открылся язык звуков и передалась способность переплетать эти звуки, создавать из них великолепный букет – музыку, которую он одухотворял, вдыхая в неё жизнь. Ниязи был худощавым ребёнком, в молодости он занимался тяжёлой атлетикой, достигнув в этом определённых успехов, однако в дальнейшем его поразил тяжёлый недуг, в результате чего он лишился одного лёг-

кого. Творец наделил его выдающимися способностями, необычным талантом, однако Ниязи унаследовал судьбу своего дяди – ему не суждено было стать отцом, уйдя из жизни, он оставил Хаджар ханым, которую любил больше жизни, одну. Это самые грустные аккорды симфонии его жизни, автором и дирижёром которой являлся сам Ниязи. Однако несмотря ни на что, Ниязи запомнился всем как волшебник и гений, который, благодаря своей необычайной харизме и чрезвычайному таланту, при помощи своей волшебной палочки творил настоящие музыкальные чудеса.

Однажды моя коллега Севиндж ханым Гулиева рассказала мне необычную историю о том, как в детстве боялась и плакала при виде Ниязи на телеэкране. Удивившись, я спросил её о причине этого, на что она ответила: «Как только я видела Ниязи, выполнявшего с палочкой в руке необычные движения, его напряжённое лицо, мне сразу вспоминался персонаж из фильма «Тайна одной крепости» – колдун Синеглазый Кёса, который взмахами своей волшебной палочки превращал людей в камни. А я его очень боялась».

Не свидетельствует ли эта странная история, характеризующая детскую, ещё не окрепшую психику, о волшебстве творчества Ниязи, которое через призму детского мировоззрения приобретает мистичность и мифичность?

То, что в воображении маленькой девочки Ниязи уподоблялся образу колдуна, превращавшего людей в каменные глыбы, несомненно, связано с волшебством рук, пальцев Ниязи, и я, будучи взрослым человеком, ни минуты не сомневаюсь в том, что великий маэстро в огромных концертных залах мира движениями руки, необыкновенных танцующих пальцев немало людей превращал в живые, замирающие от волнения статуи, способных не только слушать музыку, но и видеть её, воспринимать всем сердцем, дышать ею.

Ниязи обладал необыкновенной аурой, неиссякаемой энергией, он был искренним человеком с мягкой душой, контрастирующей с его внешней суровостью, которую многие ошибочно принимали за грубость. Когда же он стоял за дирижерским пультом, этот худощавый, невысокого роста мужчина напоминал величественного орла, спустившегося на землю откуда-то с небесной высоты, скрываясь за своим величием и гордостью. Вся внутренняя энергия сосредотачивалась в его глазах, руках и пальцах, и создавалась некая аура, незримо окутывавшая слушателя силой необычного притяжения. Наверное, он был одним из немногих дирижёров с мировым именем, которые были способны так одухотворять интерпретируемое произведение, управлять и регулировать звуки, при этом черты его лица перевоплощались, выражение глаз менялось, брови приходили в движение, а самое главное – его необыкновенные пальцы: они вальсировали, танцевали. Если бы можно было запечатлеть тогда эти мгновения самой чувствительной камерой и продемонстрировать публике без предварительного монтажа, то можно было услышать и увидеть эту «беззвучную» музыку, поскольку Ниязи умел «рисовать» музыку языком пластики и преобразовывать дирижёрство в новое эстетическое событие – в монолог человека, рассказывающего какую-то удивительную историю.

Ниязи – новатор, своим творчеством доказавший необходимость реформ в организации диалога между оркестром и дирижером на симфонических концертах и организации по иным принципам. Именно он доказал, что стоящий спиной к залу дирижёр – это человек, миссия которого не только в озвучивании музыкального произведения, но и в доведении его до слушателей, что он фактически находится в оппозиции к тем, кто сидит в зале. Однако это ошибочно и несправедливо. Если слушатель одновременно является зрителем, ему важно на переднем плане видеть не исполнителей, погружённых в ноты и следящих за движениями рук дирижёра, а именно некий объект, за которым они следят и с неподдельным интересом наблюдают.

Миссия исполнителя, таким образом, не завершается на этапе преобразования записанных на бумаге нот в звуки. Жесты, мимика, движение пальцев дирижёра, который превращает эти звуки в пластику, предмет визуального восприятия, важны не столько для самих исполнителей, сколько для слушателей. Если главное условие восприятия симфонического произведения, его полифонического языка связано с дирижёром, не справедливо ли будет подумать о новой мизансцене, устроенной по принципу «оркестр лицом к дирижёру, а дирижёр – к оркестру и слушателям» в диалоге «оркестр – дирижёр»?

Ниязи был очень требователен, он был максималистом. Посредственность, которая делает что-либо как попало, была чужда его философии и его искусству. В одной из бесед Ариф Меликов, первым интерпретатором многих произведений которого был именно Ниязи, рассказал мне такую историю: «Я был ещё студентом, когда написал своё первое симфоническое произведение. Взял ноты и направился к маэстро. Постучался и вошёл в его кабинет. Ниязи спросил, кто я и что мне нужно. Я ответил: «Я студент, написал произведение и хочу, чтобы вы его исполнили». На что он достаточно сурово ответил: «Я не исполняю студенческие работы». Я извинился перед маэстро и повернулся, чтобы выйти из кабинета. Только сделал первый шаг, как он меня окликнул: «Постой!». Посмел ли бы я не остановиться? Он попросил ноты. «Дай посмотреть, что ты там написал». Взял ноты и начал их просматривать. Я сразу же начал неотрывно следить за его руками. Поскольку уже слышал о том, что когда маэстро рассматривал ноты какого-нибудь произведения, то его реакцию и оценку выдавали руки, в первую очередь – пальцы. Прошло немного времени, и я увидел, как его левая рука приходит в движение, а затем начали медленно танцевать пальцы. Я понял, что он уже мысленно играет это произведение. Наконец маэстро поднял голову, посмотрел на меня улыбающимися глазами и сказал: «Поздравляю. Я буду исполнять это произведение».

Таким был Ниязи.

По сей день музыкальное сообщество тюркоязычных стран вспоминает его с уважением, как маэстро, которым гордится весь тюркский мир, и высоко ценит его почётные достижения. В советский период Ниязи дважды – в 1963 и 1973 годах – находился в Турции, с большим мастерством исполнил III симфонию выдающего композитора Аднана Сайгу, а также оперу «Кёроглу» и ораторию «Юнус Эмре».

Одна из заслуг великого мастера – его незаменимый вклад, как дирижёра и композитора, в расширение пределов симфонического музыкального мышления в азербайджанской культуре. Он был личностью, сыгравшей немаловажную роль в одухотворении и воспроизведении произведений таких корифеев, как У.Гаджибеков, Г.Гараев, Ф.Амиров, А.Меликов, под бурные овации, с восклицаниями «Браво!» в самых больших концертных залах мира. Опера «Кёроглу», балеты «Легенда о любви», «Семь красавиц», «Тропой грома», симфонические мугамы «Шур», «Кюрд-Овшары», симфоническое табло «Караван», и другие произведения, которые даже трудно все перечислить, впервые прозвучали именно в его интерпретации и стали эталоном для последующих исполнений. Проходят годы, они снова исполняются в интерпретации других дирижеров, однако никто не может выйти за пределы влияния техники воспроизведения и философии Ниязи. Вершина завоевывается всего лишь раз!

Наконец, отдельно стоит сказать о любви Ниязи к народной музыке, о его произведениях, созданных на её основе – это симфонический мугам «Раст», опера «Хосров и Ширин», вокальные романсы, один прекрасней другого, оркестровка народных песен...

Гениальны его обработки для оркестра таких народных мелодий, как «Гарагиля», «Хумар олдум». Ниязи представил их всему миру на языке, который понимает каждый, вне зависимости от языковой и расовой принадлежности.

Для Ниязи «Раст» был первоосновой, чистым листом, перед которым он испытывал трепет и вдохновение, это грандиозное произведение он неустанно совершенствовал и преобразовывал в величественный музыкальный памятник. Чего только нет в нём ... философская мудрость мугама «Раст», игривое настроение, великолепные ренги песен «Элинде сазын, гурбаным», «Хумар олдум», мягкие оттенки танцев «Вагзаль», «Мирзеи».

Одно из моих воспоминаний связано именно с симфоническим мугамом «Раст».

Мне было восемнадцать, когда «Раст» всецело проник в мою душу, поселился в ней, превратившись в её частичку. Минимум дважды в день я слушал пластинку с этим произведением, это было необходимо мне, как глоток чистого воздуха. Почти полтора года, служа в армии, я жил в России и постоянно мысленно напевал «Раст». Однажды ночью – поверьте! – мне приснилось исполнение этого произведения в огромном зале, хотя я никогда его не слышал в концертном зале. Мне показалось тогда, будто я сам находился в этом зале – рядом с Ниязи, который движениями своих пальцев создавал очередной шедевр.

На следующий день я написал письмо другу и попросил его взять дома мою пластинку и прислать ее мне. Посылка пришла спустя почти 2 недели.

Однако единственное место в небольшой военной части (отдельной роте), где я мог бы прослушать свою пластинку – маленькая комната, где находился старый проигрыватель для озвучания гимна СССР по приказу командира на каждом утреннике – из всех членов личного состава была доступна только старшине. Я же сгорал от нетерпения, ожидая, когда же «Раст» зазвучит в этом далеком от Азербайджана поселке. Наконец, я нашел выход из этого положения. Не задумываясь о возможных последствиях, ночью проник в ту самую комнату через окно и подменил пластинку с гимном своей пластинкой... Во время утренника командир дал приказ «Приступить к боевому дежурству для защиты воздушных границ СССР» и подвел руку к головному убору. Все мы приняли позицию «смирно», и тут вместо гимна СССР над небольшим поселком через установленный поблизости усилитель распространился потрясающий звук «Раста».

Дальше... представьте сами...

Моя дальнейшая судьба – это уже тема для совершенно другого разговора.

За этот поступок я был помещен в качестве наказания на леденяще холодный склад, где хранили картофель, но мне абсолютно не было холодно, ведь я добился того, что личный состав, состоящий из представителей «братских» народов, простоял смирно, хоть и несколько секунд, под звуки «Раста», и моему счастью не было предела.

Прошло уже 40 лет, но иногда мне кажется, что величественные звуки «Раста» все еще звучат там...

Перевод Вюсалы АЛИЗАДЕ